ПАМЯТНИКЪ

ФРАНЦУЗАМЪ

ИЛИ

Приключенія Московскаго жителя П.... Ж.....

Нѣтъ ничего истинно великаго между людьми, кромѣ величія души ихъ. Великодушный человѣкъ ни чѣмъ не оскорбляется. О самомъ непріятелѣ скажетъ: онъ не вредитъ мнѣ; но только имѣетъ намѣреніе вредить. Когда же увидитъ его во власти своей, тогда мыслитъ только объ отмщеніи обиды имъ нанесенной.

Сенека.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

Печатано въ Типографіи *И. Байкова*, 1813 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Съ тѣмъ, что бы по напечатаніи до выпуска въ продажу изъ Типографіи представлены были въ Цензурной Комитетъ: одинъ екземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министра Просвѣщенія, два екземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ. Декабря 19 дня 1812 года.

Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Иванъ Тимковской.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНѢ

ИМПЕРАТРИЦѢ

ЕЛИСАВЕТѢ АЛЕКСІЕВНѢ

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Нещастія, претерпѣнныя мною при нашествіи буйныхъ непріятелей и малыя услуги мои, оказанныя Отечеству, доведенныя до свѣденія человѣколюбивѣйшаго ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, внушили мнѣ смѣлость изобразить ихъ, хотя слабо, на бумагѣ и повергнуть къ стопамъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Милостивое воззрѣніе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, на сіе слабое изображеніе приключеній моихъ, будетъ лучшимъ для меня утѣшеніемъ и отрадою въ настоящемъ положеніи. —

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ
посвящаетъ
Вѣрноподданнѣйшій
Московскій житель Петръ Ждановъ.

Нашла туча грозная — заревѣлъ громъ страшный надъ Москвою бѣло-каменной и величіе ея, созидаемое вѣками, померкать начало. Бывали времена нерадостныя; но подобной невзгоды еще не слыхано. Мечь содруженный съ пламенемъ всё губилъ, кромѣ быстрыхъ его размаховъ, смертоносныхъ ударовъ и горючихъ слёзъ, проливаемыхъ нещастными. Ни чего не видно было, кромѣ треска зданій, обрушивающихся отъ пламени; кромѣ варварскихъ ударовъ и стоновъ въ истязаніяхъ умирающихъ — ни чего не слышно было. Каково же сердцу Рускому быть свидѣтелемъ всѣхъ сихъ ужасовъ? Въ моихъ жилахъ замерзаетъ кровь, когда приведу на мысль тѣ минуты горькія. Но не съ тѣмъ, что бы разтравить раны ваши кровавыя, сограждане! я хочу съ вами бѣседовать. Я хочу токмо повѣдать вамъ, какъ любезнымъ братіямъ — что со мною приключилося. Вы простите мнѣ, что повѣсть будетъ не велерѣчива: — ни одинъ французъ безпутный не давалъ мнѣ наставленія, блистать красотою

ложною. Я ручаюсь вамъ токмо за истину.

Какъ вещества горючія, въ Этнѣ заключенныя клокочутъ и пѣнятся, ища себѣ хода подъ землею, расто-пляя камни и металлы, наконецъ огнен-ною рѣкою изливаются, руша и изспре-бляя все встрѣчающееся: такъ Франція, буйными головами наполненная, гнѣзди-лище разврата и порока, не могши вмѣ-щать болѣе въ нѣдрѣ своемъ гнусныхъ чудовищъ, извергла оныхъ на угнѣтеніе и гибель Россіи. Впоргнувшись въ пре-дѣлы наши, алкали прославиться пущи-ми злодѣйствами, искали себѣ лучшей добычи. 1812 г. запишите Россіяне кро-вавыми буквами въ памятникахъ вашихъ, да научимъ потомство презирать зло-дѣевъ, осквернившихъ Святыни наша. Египтяне степени наводненія Нилова, записывали ежегодно на особенномъ столпѣ — О коль различенъ быть дол-женъ отъ онаго столпъ, посреди Кре-мля Московскаго воздвигнутый, на ко-торомъ изобразятся нещастія жителей Столицы древнія! Нещастія, претер-пѣнныя мною, подадутъ токмо понятіе

слабое о нещастіяхъ собратій моихъ. Онѣ начался вмѣстѣ съ новымъ годомъ (по прежнему счисленію). И если въ первый день онаго ни одинъ житель Москвы не плакалъ явно; то внутренняя скорбь и какое-то предчувствіе мрачное, грудь пѣснили у каждаго. Гражданинъ мирный отходя ко сну, найти думалъ успокоеніе — но видѣнія ужасныя, его сладкій сонъ превожили.

Проснувшися ранымъ на рано, увидѣли зарю на небѣ кровавую. — И по оной всѣ гадать вдаинѣ осмѣлились, что быть грому страшному, шуманъ носившися надъ крестами позлащенными сгустившись упалъ на землю. Сѣрный запахъ всюду слышался. И конечно по средству съ порохомъ, везомымъ подорвать Москву, онъ давалъ себя сильно чувствовать.

Недовѣряя предчувствіямъ, я вѣрилъ токмо чувствованіямъ гражданина и родителя. И за недѣлю еще до сего роковаго дня, началъ перебираться на квартиру новую, за Краснохолмскимъ мостомъ наняту. Недостатокъ въ лошадяхъ замедлялъ мою переправу. За

самую дорогую цѣну не можно было найти подводы, для перевозки нужнѣйшаго. — Ибо всѣ уѣжжали вонъ изъ города: всѣ спѣшили укрыться отъ изверговъ, а бѣдные принуждены были оставаться и дышать съ ними однимъ воздухомъ. Я не избѣгъ сего нещастія; поспѣшное движеніе войскъ нашихъ и выходъ изъ города чрезъ Калужскую заставу, подтвердилъ горестныя предчувствованія. Однакожъ я не забывалъ думать, что раздѣленіе моего семейства и имущества на двѣ квартиры — лишитъ меня послѣднихъ способовъ продолжать жизнь. Побуждаемый сею мыслію, взявъ семилѣтнюю дочь мою, спѣшилъ соединиться съ женою и другою осмилѣтнею дочерью, переселившихся въ новую квартиру. День уже клонился къ вечеру, уже на высокихъ башняхъ пробило пять часовъ. Казалось звонъ колокола изображалъ общее стѣнаніе гражданъ. Всѣ спѣшили; но куда и сами не знали: другъ друга спрашивали, и ни кто отвѣчать не могъ. — Топотъ конскій, звукъ воинскихъ доспѣховъ, невразумительные

и дикіе крики, издали наносимые вѣтромъ, довершили сомнѣнія. Никогда Праведный Судія Неба не былъ прошенъ съ такою усердною молитвою о пощадѣ, какъ въ сію минуту; никогда жизнь не была толико желательною и вмѣстѣ ужасною, какъ въ сію минуту; никогда воздухъ не наполнялся толико воплями, какъ въ сію минуту. Отцы и матери искали дѣтей своихъ — и заплаканными глазами не видѣли ихъ. Дѣти искали родителей своихъ, и вмѣсто ихъ обнимали колѣна чуждыя. Наконецъ мрачное безмолвіе воцарилось. На лицѣ каждаго можно прочитать было: *мы погибли!* Молчаніе продолжалось — какъ вдругъ въ четыре заставы, какъ въ четыре жерла, ринулись непріятели *). Обнаженные мечи и блещущія сабли, увѣряли каждаго

*) 2-го Числа Сентября въ началѣ пятаго часу по полудни, Французское войско конное вошло въ Москву въ четыре заставы. Въ Калужскую, Драгомильскую, Пресненскую и Тверскую: „и нападе на градъ внезапу, и порази „его язвою великою, и погуби люди многи „отъ Израиля. И взя корыспи града, сожже

что они не съ миромъ вступаютъ. Да причтется тотъ къ нашимъ злодѣямъ Россіи, кто думалъ сему противно: да прилипнетъ языкъ къ гортани у того, кто сказалъ имъ ласковое привѣтствіе; да гремитъ вѣчное проклятіе надъ главою того, кто участвовалъ въ ихъ зѣрской радости! —

Не такъ стращенъ левъ раздраженный убѣгающею отъ него добычею, какъ войска французскія возвратныя въ Москву. Но дабы возвратить радость свою по вступленіи своемъ въ оную, въ вечеру весь Кремлевскій дворецъ освѣтили (иллюминовали): они торжествовали, а добрые Россы плакали, и посыпавъ пепломъ главу свою, умоляли Небо о пощадѣ: — въ семъ случаѣ оно только было и защитникомъ и помощникомъ!

Уже ночь одѣянная мракомъ и ужасомъ, распустилась — и искусственные огни озарили тогдо пагубные пути злодѣевъ. Сонъ бѣжалъ отъ глазъ нашихъ далеко.

„его огнемъ, и разори домы его, и стѣны „его окрестъ, и пѣшыма жены и чадъ и ско„лы раздѣлима.“ Мак. кн. 1 гл. 1. ст. 30.

Съ трепетомъ ожидали горшей участи. Скрывались подъ кровомъ домовъ своихъ, не надѣясь увидѣть ихъ болѣе, прощались съ каждою безцѣнною вещію. Но смрадъ и дымъ *), проникая въ самыя сокровенныя убѣжища, поражалъ горестное предчувствованіе — ничтожествомъ всего. Одна мысль — умереть за отечество, не давая въ руки непріятеля, разгоняла сіи мрачныя предчувствованія. Вдругъ пламя, о вѣчномъ печальные зеркалы домовъ, возвѣстило о разрушеніи великолѣпныхъ зданій. Сокровища, снѣжаніе многихъ вѣковъ, мгновенно покрылись. Подобно огненной рѣкѣ, лѣющейся по воздуху, съ дома на Церковь, съ Церкви на домъ, оно увеселило взоры злодѣевъ. Вооруженные мечемъ и пламенемъ, они бѣгали изъ дома въ домъ — губили все мягкое — уносили все драгоцѣнное и легкое.

*) Сентября 5 числа на разсвѣтѣ многія улицы Москвы наполнены были смрадомъ и дымомъ. Спустя не болѣе получаса, показалось необыкновенное пламя въ Москапельномъ ряду. Оно скоро разлилось на всѣ ряды и близъ лежащіе домы.

Страхъ привелъ въ недоумѣніе — бывшія долгое время въ сильномъ замѣшательствѣ и ужасъ, рѣшился наконецъ, взявши семидѣтнюю дочь, нѣсколько хлѣба и посуды, идти на новую квартиру къ женѣ моей. Едва успѣлъ выдти изъ воротъ, кинулись со всѣхъ сторонъ ко мнѣ хищные звѣри Французы, съ ружьями и обнаженными палашами. Забывая о потерѣ вещей, отнятыхъ ими у меня, — я думалъ только о спасеніи бывшей при мнѣ дочери. Уже многіе изъ нихъ подходили къ ней, дѣлали неразумительные вопросы, брали и щипали за руки. Блѣдная отчаянная взывала громко ко мнѣ, просила защиты — но я былъ окруженъ толпою, сквозь которой не могъ пробиться. Другіе между нѣмъ стѣснили развязать отнятыя у меня вещи. — Найденныя между ими деньги *) несколько ихъ обрадовали, какъ куски хлѣба. — Они вырывали ихъ другъ у дру-

---

*) Со мною было тогда 655 руб. ассигнаціями и 50 руб. 50 копѣекъ серебромъ, нѣсколько серебренной и оловянной посуды.

га изъ рукъ — глотали не жевавши. — Сіе смятеніе привлекло прочихъ, окружающихъ дочь мою — она въ ужасѣ подошла ко мнѣ — обняла колѣна мои — и упала безчувственнѣ. Во всякомъ другомъ сіе зрѣлище могло бы возродить состраданіе — но французы его не вѣдаютъ; миролюбивыя и человѣколюбивыя чувствованія имъ неизвѣстны. Они подошли ко мнѣ сперва — и угрожая смертію, принудили отдать все, что на мнѣ было. Оставался одинъ только крестъ, возложенный на меня еще при крещеніи. — Я держался за него крѣпко — умолялъ ихъ — мнѣ его оставить — какъ единственное утѣшеніе Христіанина; но они не чувствовали цѣны сего утѣшенія, а умѣли только цѣнить кусокъ золота. Между тѣмъ я не могъ не дивиться забывчивости, съ каковою одинъ изъ нихъ отдавалъ мнѣ изорванныя свои шуфли, а другой съ плечъ рубище. (Надѣюсь, что черта сія многимъ любителямъ французовъ понравится.) Но я отвергъ ихъ благодѣянія — и хотѣлъ лучше не имѣть сыта — нежели быть обязаннымъ долж-

ною имъ за сію милость благодарностію. Крайность заставила меня вороваться на старую квартиру — шамъ одѣвшись сама, я опять пошель въ намѣреваемое мѣсто, дабы шамъ, если не соединиться съ женою; но по крайней мѣрѣ узнать о ея положеніи. Едва столько дошель до Калужскихъ воротъ — встрѣтилъ новую преграду. — Цѣлой отрядъ конницы кричалъ: *стой, стой*, трудно пролѣзу рожна ирапи. Я остановился, держа за руку дочь мою. Сходяшь съ коней своихъ, снимаютъ всѣ одѣяніе и съ меня и съ дочери. Такъ волки засвиргѣли въ густотѣ лѣса — робкую овцу — растираютъ на части. Въ замѣну всего прикрывавшаго наготу мою — бросили съ презрѣніемъ изодранную нижнюю, и поскакали. Прикрывшись оною, я пошель далѣе, и отойдя шаговъ двѣсти, встрѣтилъ новый отрядъ. — Всѣ показывая на голову — кричали: *дай, дай!* махая саблями. — Наконецъ видя, что у меня и на мнѣ ничего нѣтъ, кромѣ рубища, продолжали безаконный путь свой. Я спѣшилъ отъ нихъ скрыться. Дойдя до краснохолмскаго

мостка, нашелъ его расшатаннымъ. Сіе понудило меня выше сего мостка --- рѣшившися перешти рѣку въ бродъ. Увидѣвъ же на другомъ берегу нагаканнаго небольшой человѣкъ --- во намѣрился перейти рѣку --- взявъ его и перевхать за дочерью --- какъ не велика была опасность надъ водою, но будущее угрожало болѣзнями. --- Перекрестившись и въ бродъ и вступивъ черезъ рѣку, спѣшилъ взять челнъ и плыть на немъ за дочерью, оставшейся на другомъ берегу. Вдругъ увидѣли два злодѣя на коняхъ, вламывающіяся лѣсами, бьющіе меня плетьми, крича: *тракти, тракти*, указывая на мостикъ, на которомъ стояли двѣ пары запряженныхъ въ ловъ, навьюченныхъ поклажами нашими. Я понялъ чего они хотѣли --- что бы указавъ дорогу, погналъ сихъ безсловесныхъ тварей. Между тѣмъ дочь моя плакала, кричала, видя меня отходящаго отъ берега. Съ растерзаннымъ сердцемъ, съ поникшею главою, я слѣдовалъ за нечестивцами. Наружность свидѣтельствовала имъ безпрекословное повиновеніе, но внутренно --- я прокли-

нать ихъ — переясь мыслями въ изобрѣтеніи достойнаго имъ наказанія. — Часто судьба бываетъ столько немилосерда для злодѣевъ, что облагаетъ надолго ихъ наказаніе. — Сія мысль ушьшала меня и подкрѣпляла угасающую въ груди надежду. Я умолялъ, заклиналъ ихъ, плакалъ, въ ногахъ валялся — ни что не могло внушить имъ жалости. И такъ принужденъ былъ оставить дочь мою, исповѣдуя съ теплою вѣрою Всемощное провидѣніе. Подгоняя воловъ къ *Таганскому рынку*, издали примѣтилъ я двухъ человѣкъ, идущихъ намъ на встрѣчу. Догадывался, что они были Русскіе — догадка была не неосновательна. Ихъ сопровождали трое французовъ съ обнаженными тесаками. О какая жалость! Они были съ завязанными назадъ руками. Не столько жалокъ олень на закланіе ведомый. — Съ ними не было ни чево — они горько плакали. Я покушался соединиться съ ними — развязать ихъ узы — но варвары многочисленными ударами дали мнѣ почувствовать тщету моихъ усилій. Измученный ударами палъ на зе-

мію. Но и въ семъ состояніи, малымъ чемъ отличающемся отъ ничтожества — я не переставалъ думать о дочерѣ. Они подняли меня — и я снова началъ умолять ихъ указывая назадъ, гдѣ осталась дочь моя — они меня оставили, принудивъ сообщественниковъ моихъ занять мою должность т. е. вести Волову. Выпустя ихъ изъ виду — пространнымъ знаменіемъ Креста я благодарилъ Бога — и спѣшилъ назадъ къ дочерѣ. Сколь велика была радость моя, когда я нашелъ ее стоящею на томъ же мѣстѣ. Съ разпростертыми руками она кричала „спаси! спаси меня родитель мой! и кинулась въ воду. — Опасность лишиться ее на вѣки, занимала во мнѣ мысль о челнокѣ — я бросился прямо въ рѣку, желая или спасти ее — или погрузиться вмѣстѣ съ нею въ водѣ. Но дивенъ Богъ въ чудесахъ своихъ, дивенъ и во взаимномъ спасеніи нашемъ. Поддерживая другъ друга, мы выплли наконецъ на берегъ. — Измокшіе, почти безъ одѣянія, спѣшили на новую квартиру — думая найти тамъ жену мою съ дру-

гою дочерью. Мы прибыли — и какое плачевное зрѣлище предстало-сь слезящимся глазамъ нашимъ! Мы нашли ихъ изможденныхъ, израненныхъ — ограбленныхъ. Не успѣли смыпать слезы радости, отдавая другъ другу — прибывшія толпы варваровъ буйно спремящихся въ домъ нашъ. Но только выстрѣловъ изъ ружей, оглушительные крики, привели насъ въ ужасъ — жена моя бросилась мнѣ на шею, сынъ къ ногамъ кричали: „мы не оставимъ тебя! мы умремъ съ тобою.“ Грабители пресѣкали хлѣбъ и спрашивали какой-то *Шмидт*, сопровождая каждое слово жестокими ударами по плечамъ нашимъ, — наконецъ видя, что мы ужъ имъ дать ничего не можемъ, бьющій вонъ, бросилъ въ сынъ трубку начиненную порохомъ. Пламя черезъ нѣсколько минутъ объявшее задняя части дома, привело насъ въ лютый страхъ. — Я искалъ спасенія — оставалось одно средство — выломить окно и выпрыгнуть изъ онаго въ садъ. Вынесши на себѣ жену и дѣтей, сбирался укрыться отъ пламени, объявшаго половину нашего. Скры-

пись въ частыхъ кустахъ малиновыхъ не смѣли пошевелиться; — ибо малѣйшій шорохъ могъ привлечь шиpановъ, ждущихъ добычи своей. Мимо сада и горящаго дома, они искали и бѣгали полями крича: *сат сат бенъ*. Ища лучшаго и безопаснѣйшаго убѣжища въ саду семъ, мы нашли многихъ ограбленныхъ, израненныхъ, изувѣченныхъ жителей Москвы, разпростертыхъ на увядающей травѣ. Съдовласые старцы преклоня главы свои, обливали горесть слезами — дѣти ползая вокругъ матерей искали сосцовъ ихъ — засохшихъ *) уже онѣ глада. Юноши съ блѣдными и впалыми щеками — изострялн укрываемыя ими оружія — выжидали случая наказать вѣроломныхъ. — Между тѣмъ пожары умножились. Какіе-то необыкновенные вихрьлы ихъ сильно возгнѣтали. Вездѣ видно было только одно пламя — но

*) „Прилипе языкъ сущаго въ гортани его отъ жажды: младенцы просятъ хлѣба и нѣтъ имъ разломляющаго.“ Плач. Іерем. гл. 4. ст. 4.

гдѣ оно еще не успѣло развиться — мамъ гражданскія и нравственно обнаруживати свои неисповѣдства. Можетъ быть ошъ сотворенія міра ни одинъ извергъ такъ не обыкновенновалъ пропасть Неба и земли. Можетъ быть въ числѣ многихъ тысящелѣтій не было еще ни одного дня, въ которой бы солнце было свидѣтелемъ толикихъ злочестій, ни одной ночи, которой бы мракъ сокрывалъ толико злодѣяній. Осквернены всѣмъ на — напоены срамомъ самыя сокровеннѣйшія убѣжища невинности и добродѣтели. Конечно самъ адъ претерпѣлъ — видя толикія злодѣянія — и досадовалъ, что французы превзошли его въ искусствѣ — оскорблять Бога, законъ и добродѣтель. — Когда бы дикіе камни, обрызганные кровію невинныхъ жертвъ, могли опрянуть глаголъ, — то бы мы ужаснулись неисповѣдствъ — самыми демонами произведенныхъ. *Нѣтъ ни одного — всѣ изключаются, всѣ исключены быша.*

На пресвій день — злощасливѣйшій день *)! пламя приближилось и къ шьвь мѣснамь, кои слухали досель убѣжищемь изгнанныхь изь домовь свошхь. Народь толпами спѣшилъ изь оныхь, самь не зная куда. Догоняли другъ друга и другъ друга опережавали. Стоны, спирающіеся въ груди — слова, замирающія на устнахъ, могли только выразить скорбь ножирающую сердца ихъ. Вѣтеръ холодной умножалъ чувство холода и жажды **). Переѣзды изъ одного мѣста въ другое, не премѣнили какъ день прошоль. Ночь наступила — вѣтеръ усилился — и можно ли быть иначе — когда пов семъсотное пламя нарушило равновѣсіе Атмосферы? Приближась къ берегу Москвы рѣки — многіе хошѣли найти въ водахъ ея спасеніе; но множество непріятелей, разъѣзжающихъ и разхаживаю-

*) 4-го числа Сентября въ среду въ 6 мь часу пополудни пламя приблизилось на вышную горку и Таганку.

**) Въ душахъ нашихъ не сихомъ хлѣбъ нашъ отъ лица меча въ пустыни. Кожа наша яко пещь обгорѣ, разъѣдена отъ лица бурей глада. Іерем. гл. 5. ст. 9.

щихъ по оному, линію и сего спасенія. Они любовались пламенемъ всепожирающимъ, и спрѣшія на противолежащій берегъ, увеличивали пожаръ *).

Пронзенныя скорбію до глубины сердца, видя жену и дѣтей изнемогающихъ отъ голода и холода, претерпѣвающихъ отъ ужаса — искать себѣ крова. Тысячи несчастныхъ, потерявшихъ равную участь, вспрѣгались тамъ, куда рѣдко, или можетъ быть никогда не заносили ноги своей. Солодовенные овины, подвалы и погреба были наполнены несчастными. Сіи нѣкмо убѣжища могли спасать ихъ отъ пожаровъ, усилившихся въ срединѣ города. Можно сказать, что рѣдкой изъ людей во всю свою жизнь претерпѣлъ столько несчастій, сколько жители Москвы, при бунтомъ нанесшіи непріятелемъ, претерпѣли ихъ въ нѣсколько дней. Во всякомъ другомъ несчастіи и при другихъ обстоятель-

*) Сіи бѣдные напрасно въ отчаяніи бросались въ Москву-рѣку, отъ которой низъ къ рѣкѣ въ нѣсколько сажень. Изъ всѣхъ сихъ мѣстъ сгорѣли домы непрерывнымъ пожаромъ.

снахъ, можно бы было найти облегче-
ніе и отраду въ совѣтахъ, въ помощи и
утѣшеніи ближнихъ; но мы не имѣли и
сего облегченія. Тамъ, гдѣ всѣ сп а к-
душѣ, трудно найти его. Свѣтила не о-
вѣка ковы, что онѣ можетъ казаться
равнодушнымъ въ гибнущихъ его ср-
бахъ., когда видитъ другихъ благополучны-
ми, тая получить отъ нихъ руку помощи;
но когда все окружающее его спражденъ,
когда и самымъ воздухомъ, благотвор-
вольнымъ даромъ природы, свободно ды-
шать не можетъ: --- тогда ничто, кро-
мѣ смерти, не въ силахъ уврачевать его.

Увлеченный сею горестною мыслію ---
я рѣшился выдти изъ мрачнаго убѣжища,
оставивъ жену и дѣтей. — Лучше пере-
стать жить, нежели видѣть страданія
кровныхъ --- и не умѣть облегчить ихъ.

Едва начало только разсѣяваться ---
Полночь я, думая что хищники, упо-
мленные злодѣяніями, еще покоятся
и собираютъ новыя силы къ произведе-
нію еще ужасѣйшихъ. Но какъ удивля-
ся я, увидѣвъ въ дали цѣлой отрядъ
оныхъ — голодъ началъ изгонять сонъ

онъ глазъ. Завидя меня изъ дали, бѣгли ко мнѣ и увели за заставу. Когда же совершенно разсвѣло, взяли меня съ собою во внутренность горящаго града, водили по обгорѣлымъ домамъ, въ томъ намѣреніи, чтобъ я показалъ имъ богатѣйшіе. Для нихъ не столько были дороги обгорѣлыя останки сокровищъ, сколько вещи, служащія къ продовольствію, или лучше къ утоленію смертельнаго глада. Они послѣдній кусокъ отнимали изорта у нещастныхъ жителей, низлагая ихъ въ несказанныхъ мученіяхъ. Недовольствуясь сѣмъ, они принуждали ихъ переносить на великое пространство огромныя тяжести, каждый шагъ сопровождая ударами. Оставалось одно только упованіе: „претерпѣвый до конца тотъ спасенъ „будетъ.“

Посреди жестокостей и мученій, я вымышлялъ средства, коими бы можно было избѣжать сего адскаго пространства. Притворясь больнымъ и немощнымъ, я думалъ отклонить отъ себя ихъ кары; но тѣмъ болѣе воспламенялъ ихъ неис-

повсюду. Окружа со всѣхъ сторонъ, они били меня, топтали, плевали долго, пока кровь моя не обагрила меня всего — упоенъ въ оной, я почувствовалъ уже почти ничего, кромѣ словъ: „о Русланъ, Русланъ!“ звѣрскимъ голосомъ произнесенныхъ. —

Преклонившуся дню къ вечеру, мало по малу началъ я приходить въ чувство — открыть глаза, приподнялся съ земли, хотѣлъ идти; — долго не могъ собраться съ мыслями и воскресить въ памяти прискорбіе осиротѣлаго мною семейства. Воображая наконецъ живо горестное положеніе онаго, омылся слезами и побѣгъ. Прибывши туда, гдѣ оставилъ жену мою съ дѣтьми — не нашелъ ничего, кромѣ дымящихся развалинъ и возмущаемаго вѣтромъ пепла. Вотъ минута, въ которую жизнь возненавидѣлъ была несносне смерти! Воображая ихъ погибшими отъ меча или пламени, не надѣялся болѣе увидѣть, и забывая усталость и боль, въ отчаяніи овладѣвшемъ мною, покушался чрезъ Марьину рощу удалиться отъ плачев-

ныхъ зрѣлищъ. „Я, и сдѣлавъ до Малыхъ Мытищъ, остановился. Въ Мытищахъ наполнены были непріятелями; жителей же не видно было ни одинаго. Квартируя вавшая шушь к нимъ, все наполнила ужасомъ. Гладные звѣри молодили хлѣбъ по гумнамъ, и дикимъ крикомъ свѣтъ оглашали Мытищи, нищимъ и міру посвященныя. Не желая быть ими примѣченнымъ, робко удалился онъ мѣстъ осквернениыхъ сими нами ихъ — продолжая путь свой чрезъ село Алексѣевское. Вокругъ Церкви стояла артиллерія, не болѣе шести орудій, до двухъ тысячъ пѣхоты и немного конницы. Они примѣтивъ меня, взяли и возвратили въ Москву. Желаніе увидѣться съ женою и дѣтьми — сдѣлалось мечтою. Я въ тайнѣ молился за нихъ, прощался съ ними на вѣки.

На другой день я вступилъ на распутіяхъ многихъ собраній моихъ. — состояніе коихъ было не лучше моего. Утомленные трудами, изнуренные голодомъ и печалію, едва передвигали ноги. Сѣтуя съ ними нѣсколько о потерѣ

имьнія, жень и дѣтей, сколько о бѣдственныхъ Отечества, молили Бога, крѣпкаго во бранѣхъ, утвердить мысли и десницу защитниковъ нашихъ.

Наконецъ они мимо-идущихъ узнали мы, что желающіе выйти изъ города, могутъ получать билеты для пропуску на заставахъ и постахъ; что билеты сіи раздавались на Дѣвичьемъ полѣ, въ домѣ г-жи Нарышкиной отъ квартирующаго въ ономъ *Князя Ж.мльскаго*, значащимъ по Руски *Барона Самсонова*. Будучи обрадованы сею вѣстію, спѣшили мы туда; пришедши же увѣдомились, что билеты даются токмо желающимъ идти по Смоленской дорогѣ. Радость наша изчезла; — мы могли думать, что отправившіеся по сей дорогѣ, скорѣй попадутся въ руки кровожадныхъ, лишившися навсегда свободы. Недовѣрія однакожъ всему сказанному намъ, 12 Сентября пришелъ снова въ упомянутой домъ, гдѣ нашелъ толпы народа. Спустя нѣсколько минутъ — Баронъ Самсоновъ вышелъ къ народу и сказалъ: *„Кто плѣнъ жену*

и дѣтей, того отпустить и билетъ дадимъ сольной.“ Народъ молчалъ. Старики понуривъ главы сѣли и сѣяли, молодые плакали. Никто не хотѣлъ сказать, что имѣетъ жену: ибо звѣрскіе поступки враговъ увѣрили каждаго, какъ они щадятъ слабой сѣтъ и нѣжность сего беззащитнаго пола.

Безъ воли Божіей власъ съ головы нашея не упадетъ. Полагаясь во всемъ на промыслительную десницу Его, я рѣшился объявить, что имѣю жену и дѣтей, предоставляя ихъ въ мыслихъ промыслу Предвѣчнаго. Баронъ взялъ меня за руку и повелъ въ комнату. Часто случается, что стонетъ только одному рѣшиться на что-нибудь, а особливо при общемъ нещастіи, дабы имѣть долю послѣдователей. Множество голосовъ кричали въ слѣдъ за нами, что имѣютъ также жены и дѣтей, а Баронъ не останавливался. Онъ ввелъ меня въ богато-убранную, уединенную комнату. Тихо и ласково началъ спрашивать: кто я такъ въ? — давно ли живу въ Москвѣ? — Природной ли Русской? — Россіянка ли

жена? — Давно ли женанъ? — Сколько имѣю дѣтей? — Доволенъ ли своимъ состояніемъ? Я отвѣчалъ, что я купецъ, живу въ Москвѣ давно, природной Россіянинъ, жена мой же — женанъ давно, имѣю двухъ дѣтей, но только не знаю гдѣ онѣ и жительствуютъ, — досталъ былъ всѣмъ доволенъ. Откровенность моя ему понравилась. Онъ подвелъ меня къ образу Спасителя, сказалъ: крестись, что ты исполнишь въ точности всѣ порученные тебѣ мною, увѣряя между тѣмъ, что ты теперь уже безвозвратно принадлежишь имъ; что щастіе наше и благоденствіе отъ нихъ зависитъ; что исполня препорученіе, которое онъ намѣренъ далъ мнѣ, я отщасливлю и себя и семейство и потомство мое. На всѣ сіи слова я показывалъ видъ согласія — располагая въ душѣ моей — воспользовавшись сею довѣренностію, услужить хотя малымъ чѣмъ любезному Отечеству. Наконецъ сказалъ онъ съ напыщеннымъ и дружелюбнымъ видомъ: „сходи ты въ главную Русскую армію до Калуги и развѣдай нужное для насъ, — а что нужно,

въ пюмъ дадимъ мебѣ письменное наставленіе выучить наизусть." Таковое предложеніе удивило меня, — я началъ оттоваривиться, объявя, что это дѣло не моего ума, что я не имѣю довольно смѣлости, что можно найти въ полѣ непадежныхъ шаклъ, кои охотно на то согласятся. Но видя что отговорки мои были гораздо слабѣе убѣжденія, а притомъ боясь раздражить его — рѣшился принять предложеніе — дерзка въ душѣ мысль спасительную для Отечества. Потомъ за исполненіе сего порученія обѣщалъ онъ мнѣ домъ каменной, какой мнѣ угодно будетъ выбрать въ цѣлой Москвѣ: — а притомъ тысячу червонныхъ, кои отдѣлить въ 12,000 руб. въ ту же минуту по курсу. Что онъ и впредь почтитъ меня другими порученіями, касательно успройства Москвы раззоренной. Что жена и дѣти мои будутъ найдены — успокоены и ощастливлены до моего возвращенія: — что первой выѣзда — что будетъ при мнѣ первымъ; ибо всѣ прочіе кажутся мнѣ грубыми и несмысленными мужи-

ками, какъ ваше ополченіе, ничего для насъ не значущее. Потомъ началося между ними разговоръ:

Я. Вы извольте почитать за ничто нашихъ мужиковъ — но имъ же должна бы быть укомплектованы полки?

Онъ. Регулярнымъ войскомъ.

Я. А разве это банчишка не регулярное?

Онъ. Конечно — это грубая чернь, пужающаяся одинаго выстрѣла.

Я. А мы всѣ почитаемъ войскомъ умѣющимъ сражаться.

Онъ. Много ли ево въ Москвѣ было?

Я. Числа опредѣлить не могу, но знаю, что очень много приходило въ оную изъ другихъ Губерній, и что кромѣ ихъ здѣсь однихъ жителей пронявъ васъ было вооружено добровольно 200,000, — и кто только могъ одинъ, всѣ принимались за оружіе.

Онъ. Гдѣ же они брали оружіе?

Я. Въ казнѣ — сперва за деньги, а потомъ безденежно.

Онъ. Какое же оно было оружіе?

Я. Ружье со штыкомъ и сабля большая.

Онъ. И вы былъ вооруженъ?

Я. Не оставалось другаго средства.

Он. Гдѣ же вы взяли оружіе?

Я. Казеннаго не коснулся, за деньги не покупалъ, даромъ не бралъ; а было у меня старинное ружье, пранрадѣдовское, большой кинжалъ — и два пистолета Турецкихъ, доставшіеся онъ дѣда по наслѣдству.

Он. За чемъ же сихъ оружій я не вижу на тебѣ — и гдѣ онѣ.

Я. Онѣ сгорѣли вмѣстѣ съ моимъ имѣніемъ.

Он. Кто же зажигалъ Москву?

Я. Навѣрно не знаю — гдѣ прежде загорѣлося, тамъ меня не было.

Он. Но какъ говоришь о немъ другіе?

Я. И того не знаю.

Он. Однакожь какъ думаешь вы о пожарѣ — и кто зажигалъ?

Я. Теперь думать мнѣ нечево. Ваше Высокопревосходительство, уже всё сгорѣло и въ пепелъ обратилось, — я думаю только о спасеніи жены и дѣтей — лишь бы онѣ были живы и здоровы — а то онаго всё будетъ.

Онъ. Не хочешь ли завтра посмотрѣть поутру?

Я. Кого, Ваше Высокопревосходительство?

Онъ. Завтрашней Москвы.

Я. А сколько ихъ?

Онъ. Осмнадцать человѣкъ.

Я. Какъ же и гдѣ они найдены?

Онъ. По калужской дорогѣ въ большой Ремишной на мысѣ версть за 10 отселѣ.

Я. Что же съ ними будутъ дѣлать?

Онъ. Разстрѣливать — а другихъ вѣшать на большой вашей колокольнѣ. Не хочешь ли быть зрителемъ сего?

Я. Благодарю покорно В. В. П. — Я видалъ какъ у насъ кнутомъ сѣкутъ злодѣевъ, и то ужасно! —

Онъ. Но скажи, согласенъ ли ты идти въ Русскую армію?

Я. Если не можно вамъ отъ того меня увольнить, то отдаюсь на волю вашу. „И упалъ въ ноги со слезами,“ только нечаянные бѣдную жену мою и дѣтей.

Онъ. (Принимая меня за руку) вспань, вспань старикъ, и будь спокоенъ. Все будетъ исполнено по нивсему желанію — только мы выполнимъ наше препорученіе. —

Потомъ ввелъ меня въ богато-убранную комнату, стѣны которой увѣшены нѣмецкими картинами, полы устланы коврами другорядными. Тамъ сидѣлъ за столомъ съ бумагами Князь Экмильскои, украшенный звѣздами и орденами. Баронъ, ведшій меня, сказалъ ему что-то по французски. Онъ подпявъ голову глядѣлъ на меня, не говоря ни слова, — я поклонился, — они долго говорили между собою. Какъ не хотѣлъ знать французскаго языка, а въ сію минуту досадовалъ на себя въ томъ, что его не знаю. Баронъ обратился ко мнѣ сказалъ: поди же старикъ. Я кланялся Князю въ ноги, просилъ помиловать семейства моего. Князь приложа руку къ груди съ наклонкою головы, далъ мнѣ почувствовать, что будетъ имѣть попеченіе о семействѣ моемъ. Я вышелъ изъ комнаты. Чрезъ нѣсколько минутъ

выходишь и Баронъ — далъ мнѣ бумагу, говоря, что въ ней означено всѣ что я должень сдѣлать, — прося между тѣмъ Выучить его нѣмецкому языку, и по-утру къ нему явиться. Но чтобы я не сказывалъ о немъ ни кому, и не говорилъ о немъ ни съ кѣмъ ничего, даже съ Секретаремъ при немъ находящимся, которой зналъ нѣсколько по Русски. Спросивши гдѣ и далеко ли я живу — далъ мнѣ провожатаго француза, которой проводилъ меня на квартиру за Красноходимской мостъ, — тамъ мы нашли одинъ обгорѣвшіе останки дома — съ уцѣлевшею частію двора. Я переходилъ изъ одного сарая въ другой, искалъ жены и дѣтей. Наконецъ опустился въ погребъ — о радость! нашелъ въ порожнихъ кадкахъ нашелъ ихъ дрожащихъ, блѣдныхъ, полумертвыхъ. Надлежало выполнить два обязательства: успокоить жену и дѣтей — и выучить данныя мнѣ слова Барономъ. Все, что толко отческая любовь можетъ внушить, я сдѣлалъ — за послѣдніе деньги и вещи досталъ нѣсколько кусковъ хлѣба, бѣ-

гая изъ дома въ домъ, ущѣвшіе опять пожара. Наступило утро — разпрощавшись съ женою и дѣтьми, возвратился къ Барону. Проводивши меня Французъ разсказать ему подробно о положеніи семейства моего. Баронъ выслушалъ его благосклонно — заставилъ пересказать себѣ выученные мною пункты — и далъ пару лошадей съ тѣмъ, что бы я въ сопровожденіи Французовъ, перевезъ жену и дѣтей въ домъ госпожи Гагариной. Крайность заставляетъ на всѣ рѣшиться — я старался изъ возможныхъ золъ избрать меньшее, боясь навлечь на себя гнѣвъ временныхъ повелителей — не забывать о присягѣ, данной законному Государю. Сколь ни ограниченны способности ума моего, но я разсудилъ, что повинуясь желаніямъ Князя и Барона, найду удобный случай услужить Моему Отечеству. Сіи и подобныя симъ мысли занимали меня цѣлую ночь. Неспокойные не покоятся. — Въ 6 часа въ 7 часовъ утра снова представљенъ былъ Барону. Онъ опять приказалъ мнѣ прочитать ему, данное мнѣ наставленіе. —

Сограждане! проснитіе, что языкъ мой могъ выговаривать его не запинаясь: — вотъ оно:

1. Идти на Калугу *).
2. Разсмотрѣть и разспросить сколько Русской арміи.
3. Кто начальникъ Арміи.
4. Кто начальники дивизій.
5. куда идетъ армія.
6. Укомплектованы ли полки послѣ Бородинскаго сраженія.
7. Подходятъ ли вновь войска.
8. Что говоритъ народъ о мирѣ.
9. Разглашать, что въ Москвѣ хлѣбъ весь цѣлъ остался и не сгорѣлъ.
10. Разпустить слухъ, что зимовать хотимъ въ Москвѣ.
11. Если же Россійская Армія идетъ на Смоленскую дорогу, то не доходя до Калуги, возвратиться въ Москву какъ можно скорѣе.
12. Возвратясь же ни въ чемъ не лгать, лишняго ничего не прибавлять, — но

*) Прибавлено было „въ Тулу, а изъ Тулы въ Москву;“ но послѣ отложено.

ную видѣлъ и слышалъ, о томъ только и говоришь.

13. Сіе предписаніе подъ великимъ опасеніемъ ни кому не открывать, даже и женѣ своей не сказывать, куда и за чѣмъ идёшь.

14. Возвращаясь назадъ на первомъ Французскомъ постѣ объявишь о себѣ сильнѣе, чтобъ доставили къ князю Экмильскому.

15. Если возвратишься съ успѣхомъ, въ награду за сіе дано будетъ 1000 червонныхъ, что стоитъ по курсу 12,000 руб. сверхъ сего домъ каменной въ Москвѣ, какой угодно будетъ взять.

Чувствуя сколь полезно будетъ знать сіи данныя мнѣ наставленія для начальствующаго Войсками Россійскими — я старался сколько можно показать себя послушнымъ симъ извергамъ. И потому каждое слово старался выразить и произнести сколько можно точнѣе. Это имъ понравилось. И въ три часа по полудни, въ сопровожаніи трехъ Французовъ, отправили меня за городъ, давши

потребное количество денегъ, нужное для пропитанія. И могъ ли думать я о немъ — оставляя дѣтей и жену безъ всякаго пропитанія? Могъ ли думать о чемъ нибудь другомъ кромѣ ихъ и спасенія моего Отечества? Не столько бы ужасно было для меня проснуться съ жизнію — оставляя Москву казалось мнѣ, что я оставлялъ болѣе, нежели самую жизнь, которая въ сіи минуты была для меня ужаснѣе самой смерти. — Неизвѣстность будущаго — и воображаемое вѣроломство пиратовъ, замораживали кровь въ жилахъ моихъ.

Уже мраки нощи начинали соединяться съ куреніемъ и дымомъ, по Москвѣ разливающимися, уже несчастные укрывались въ мѣста непроходимыя для спасенія жизни. По улицамъ ничего не видно было, кромѣ рыщущихъ варваровъ. Многіе изъ нихъ подходили къ провождающимъ меня, о чемъ-то спрашивали; но не получали никакого отвѣта. Наконецъ вышли мы за городъ. Здѣсь въ теченіи пятнадцати дней, я въ первой разъ вздохнулъ свободно. По звукъ ору-

кія и помощь конскій, оглашающіе окресности обширнаго града, напоминали мнѣ о несчастіяхъ Отечества.

Сильный дождь, увлажнивший до изнеможенія землю, затруднялъ путь нашъ. Ночии на каждомъ шагѣ должно было спотыкаться, и чувствуя усталость, требовалъ отдохновенія. Изнуренный несчастіями и голодомъ, изнемогшій отъ ужасовъ, я едва передвигалъ ноги мои. Мысль, что скоро увижу войска Россійскія, подкрѣпляла меня. Мы прошли не болѣе пятнадцати верстъ — какъ приближались къ посту послѣднему. Изнеможенные воины Французскіе лежали разпростертые вокругъ огня разведеннаго. Одни изъ нихъ запекали на ономъ мясо конское, другіе варили полужидкую пищу въ водѣ. Сіе зрѣлище было для меня жалко и пріятно. Какъ человѣкъ я жалѣлъ о сихъ бѣдныхъ варягахъ, честолюбіемъ въ края наши завлеченныхъ, — какъ вѣрный сынъ Отечества я желалъ, чтобъ они издохли. Тутъ одинъ изъ воинскихъ чиновниковъ снова напомнилъ мнѣ о ревностномъ и усердномъ

исполненія даннаго имъ порученія. — И попомъ указывая на огни сквозь лѣсъ свѣтящіеся, сказалъ: „шамъ Русскіе.“ Я отрадилъ себя проекранно крестомъ и попелъ. Не успѣлъ приближиться къ огнямъ, коихъ я неперялъ изъ виду, встрѣтился съ двумя Россійскими козаками. Они удивлялись — я радовался. Возможно ли, говорили они, пройти безъ опасности сквозь Французскую армію; я говорилъ, что безоружныхъ не побѣждаютъ. Попомъ просилъ, чтобъ они представили меня Генералу Милорадовичу. Они меня взяли и черезъ нѣсколько часовъ прибыли мы къ шанцамъ Россійскимъ. Мужественные Росы веселились вокругъ огныхъ, пля побѣдныя пѣсни. Довольство въ пропитаніи удивило меня: множество дичи и прочихъ мясъ лежали грудами. Я подкрѣпилъ изнуренныя силы мои добрымъ Русскимъ виномъ и зажаренною курицею, со вкуснымъ хлѣбомъ. Всѣ радовались видя меня уцѣлѣлаго изъ Москвы. Всѣ хотѣли знать подробно положеніе войскъ Французскихъ, которое конечно и безъ того уже имъ было

довольно извѣстно. — Козаки скакали по всѣмъ рядамъ лица Милорадовича. — По многочисленности войскъ нашихъ, и по обширности мѣста ими занимаемыхъ, не скоро можно было найти его. Занятый военною дисциплиною, онъ вдыхалъ мужество и неустрашимость на другомъ концѣ. Наконецъ явился на конѣ, важенъ, величественъ, съ дружелюбною улыбкою подалъ мнѣ руку, желая поцѣловать въ плечо; — я отклонился немного, почитая себя недостойнымъ сей чести. Другъ мой! сказалъ онъ: здѣсь мы всѣ равны. Я сказалъ, что имѣю нужду съ нимъ говорить наединѣ — мы удалились къ уединенному шатру — онъ сошелъ съ своего коня, взялъ меня за руку и повелъ въ оной.

Благосклонность, съ какою сей почтенный Герой вошелъ со мною въ разговоръ, для меня была чѣмъ-то новымъ восхищающимъ умъ и сердце. Можетъ быть скажутъ, что она мнѣ казалась необыкновенною потому, что находясь нѣсколько времени между извергами, я забылъ ее совершенно, что чувстви-

вания мои отрубьли. Правда, что находясь между французами, можно отвыкнуть отъ всякаго благороднаго чувствованія; но только тому, кто съ малолѣтства привыкъ къ ихъ вѣроломству, безсовѣстному, нахальному и коварному; кто каждымъ ихъ словомъ дорожитъ, какъ рѣдкимъ даромъ Неба, кто каждой ихъ поступокъ почитаетъ рѣдкимъ, несравненнымъ, даже божественнымъ. — Воспитанный въ недрѣ семейства, мыслящаго и поступающаго всегда истинно по Россійски — я не могъ вѣрить ихъ гнуснымъ обаяніямъ, и ежеминутно жалѣлъ объ опикровенности и чистосердечіи Россіянъ. Генералъ Милорадовичъ облегчилъ ими грудь мою, утѣсненную неимовѣрными бѣдствіями. Проведши съ нимъ нѣсколько времени — я желалъ быть представленнымъ предъ великаго, славнаго и безсмертнаго Воеводу Россійскихъ силъ, дарованнаго милосердымъ Небомъ для спасенія Россіи, а можетъ быть цѣлой Европы. Имя Князя Смоленскаго вѣчно пребудетъ священнымъ для Россіянъ. Оно должно быть

вырѣзано златыми буквами въ каждой изъ опустошенной жизнь разграбленныхъ селеній, безчеловѣчными опустошителями почти цѣлой Европы — при входѣ въ каждый домъ, возвращенный рукою его. Такова должна быть почесть Героямъ знаменитымъ, славящимся единымъ величіемъ души своей! Предназначенный сему Герою, я жалѣлъ во глубинѣ сердца моего, что не могъ услужить болѣе. Видъ его вдыхалъ благоговѣніе, и оно ничѣмъ священѣе, что возбуждено на полѣ брани и чести. Главная квартира иногда была въ селѣ Воронцѣ. Обозрѣвъ меня съ ногъ до головы — онъ препоручилъ дежурному Генералу Коновницыну сдѣлать нужныя распоряженія, касательно моихъ обстоятельствъ и моего положенія. Въ бытность мою при главной Арміи я имѣлъ щастіе быть свидѣтелемъ успѣховъ Россійскаго оружія. Я видѣлъ какъ неустрашимые воины порывались въ бой, возвышаемый смертоносными выстрѣлами; я видѣлъ, что устрашенные непріятели, поражаемые со всѣхъ сторонъ, кидались чрезъ рвы и пропа-

сии, какъ ума лишенные. Я все сіе видѣлъ, и ничего не видалъ подобнаго. Праведное Небо! если настоящая война есть бичь, для наказанія законопреступниковъ посланный, то нельзя указать наказать ихъ. Когда и самую смерть почитаемъ они отрадою — но немилые голодомъ, изнуренные прудами и ранами, они должны умирать всякую минуту и все еще оставаться въ живыхъ для люпѣйшихъ мученій. Боже всемогущій! Тебѣ извѣстна вся сушь. Онъ Тебя завистишь и судьба народовъ. — Я видѣлъ злодѣевъ превозносящихся гордостію превыше самаго сатаны — видѣлъ и униженныхъ до послѣдняго червя, по злаку сельному во мракъ пресмыкающагося. Вѣрю и всегда буду вѣрить словамъ Священнаго Писанія: *Ибо есть Господь, смиряяй дрего сысокое, созносяяй дрего смиренное, изсушаяй дрего зеленое и дрорацая дрего сухое.* Не силою и богатствомъ хвалимся, но Твоею. Отче, неизрѣченною милостію. —

Село Тарутино останется навсегда въ памяти у признательныхъ Россовъ, и злочестивые непріятели долго не забудутъ его. Здѣсь обдуманы тѣ великіе планы, исполненіе коихъ нанесло совершенную гибель Французамъ *). Поражаемые отвсюду — они думали объ одномъ спасеніи, и не находя его падали въ бѣгствѣ. Быстрое вторженіе ихъ въ предѣлы наши, казалось непонятнымъ чудомъ. Глубокомысленные снаряды, убѣленные съдинами, искушенные многочисленными опытами, озаренные свѣтомъ исторіи, измѣряя духъ поведенія Славянскаго, сравнивали съ мужествомъ прочихъ народовъ Европы, и не находя ничего между ими подобнаго, удивлялись ихъ нашей, восклицая: *Небо не дастъ отъ того смертнымъ въ удѣлъ, коимъ наказываетъ оскорбившихъ его.*

---

*) Сами французы сознаются въ сей истинѣ. Взгляд въ устѣ самаго Наполеона небольшую Шараду, сдѣланную изъ слова Тарутино: la routine m'a déroute. которую они относятъ прямо къ Его Свѣтлости Михаилу Ларіоновичу, Князю Смоленскому.

Разорены храмы, осквернены Святыни, поруганная невинность, утѣсненная добродѣтель, громко вопіютъ объ отмщеніи. Кратковременно торжествуетъ порока. Мечь неправедно извлеченный рано или поздо обращается на главу управляющаго онымъ. Тогда ни одинъ ударъ его не падаетъ мимо. — Ужасно было нашествіе Татаръ, гибельно нападеніе Шведовъ; но Богъ всегда побѣждающій правымъ, яко прахъ развѣялъ ихъ силы, покоряя мечу велесердыхъ Россовъ.

23-го Сентября возвѣстили мнѣ, что по волѣ Главнокомандующаго Россійскими войсками, я долженъ быть отправленъ въ Санктпетербургъ, къ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ. Выслушавъ сіе, я обѣялъ быть несказанною радостію, что малыя услуги мои будутъ доведены до Высочайшаго свѣдѣнія человѣколюбивѣйшаго Монарха въ свѣтѣ. Одобреніе, данное мнѣ при отпускѣ изъ главной квартиры дежурнымъ Генераломъ Коно-

нищимъ *), исторгло слезы благодарности и умиленія. Я восхищался неисказанно тѣмъ, что оставляя жизнь сію, могу съ радостною улыбкою сказать: „И я былъ хотя въ малѣ полезенъ для „Отечества„ въ то время, когда всѣ состоянія жертвовали всѣмъ, чѣмъ могли для спасенія его.

---

*) *Копія съ свидѣтельства, даннаго изъ главной квартиры.*

Свидѣтельствую симъ, что Московскій иностранной гильдіи купецъ Петръ Петровъ сынъ Жановъ, подвизаемъ будучи ревностію и усердіемъ къ своему Государю и Отечеству, не смотря ни на какія лестныя предложенія со стороны Французовъ, наклоняющихъ его къ приверженству, оставивъ домъ, жену и дѣтей, явился въ главную квартиру, и доставилъ весьма важныя свѣдѣнія, о состояніи и положеніи непріятельской Арміи. Таковой его патріотическій поступокъ заслуживаетъ совершенную признательность и уваженіе, всѣхъ истинныхъ сыновъ Россіи.

Главная квартира, село Тарутино
Сентября 22 дня 1812 года.

Генералъ Графъ Бенигсенъ

Прибывши въ Санктпетербургъ — я все еще не могъ быть спокойнымъ: неизвѣстность, въ какой осталась жена и дѣти — меня мучила. Наконецъ узнать черезъ письма, что онѣ живы — хотя и страждутъ въ нѣкоей нуждѣ. Но по сіе время не могу узнать, какими средствами спаслись онѣ отъ насилія и неистовства варваровъ кровопійственныхъ! Безопасность и довольство, обѣщанныя имъ при данномъ мнѣ порученіи — могли превратиться въ самое лютѣйшее звѣрство, особливо когда увидѣли себя обманутыми. Можетъ быть замѣшательство, въ какомъ они находились при изгнаніи своемъ изъ Москвы, помрачило въ мысляхъ ихъ память о моемъ семействѣ. Впрочемъ бываютъ минуты, когда и злодѣи чувствуютъ сраможу свою. Разверзающаяся предъ ними бездна объемлетъ умъ ихъ ужасомъ — и не позволяетъ ни о чемъ другомъ думать, кромѣ своего спасенія. Раскаяніе овладѣвши душою — запрещаетъ желать личнаго. Пробужденная совѣсть представляетъ всю мерзость ихъ поступ-

ковъ. Небо неоставляетъ безъ наказанія злодѣевъ — и оно цѣмъ ужаснѣе для нихъ, когда свершается въ глазахъ притѣсненыхъ ими.

Но кто постигнетъ судьбы Божія? Спасеніе семейства моего есть не послѣднее чудо — между непостижимыми дѣяніями Промысла — Боже праведный забуди роптанія несмысленныхъ и малодушныхъ твореній твоихъ! Вся елико хощеши — и да твориши — ни что же бо есть зло. Ты внемлешъ моленіямъ сирыхъ и безпомощныхъ — ни одинъ вздохъ, отъ искренняго сердца излетѣвшій, не теряется въ пространствѣ воздуха. Однѣ токмо суетныя желанія постыждаютъ насъ.

Сіи спасительныя размышленія наполняли душу мою во всѣхъ претерпѣнныхъ нещастіяхъ. И когда варвары, разхищая сокровище древней столицы, гордились успѣхами вѣроломныхъ побѣдъ своихъ — не могли быть спокойнѣе меня; ужасъ и остервеніе, начертанные на лицахъ — показывали по мучительное состояніе, въ которое завлекло ихъ

изувѣрство. Я ждалъ конца моего дѣла — и управляющій Военнымъ Министерствомъ не замѣдлилъ доложить обо мнѣ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ. Человѣколюбивый и благопопечительный Монархъ — благоволилъ отличить меня — въ воздаяніе посильнаго моего усердія къ Отечеству, золотою медалью *).

---

*) Московскому 3 гильдіи купцу Петру Петрову сыну Жданову.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО въ воздаяніе за оказанное вами усердіе, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ наградить васъ золотою на алой лентѣ медалью, для ношенія на шеѣ.

Во исполненіе таковой МОНАРШЕЙ воли препровождаю къ вамъ означенную медаль съ тѣмъ, что бы вы, возложа оную на себя, носили по установленію.

Управляющій Военнымъ Министерствомъ

Князь Горчаковъ.

Въ С. Петербургѣ.
21 Октября 1812.

Соотечественники! Я желалъ бы имѣть другую жизнь, что бы пожертвовать оною двоекратно для славы и чести Россіи; и не желалъ бы прожить ни одного дня, если бы увидѣлъ плетворныхъ изверговъ снова вами уважаемыхъ. — *Такъ, если злодѣи могутъ быть похваляемы, то Французы должны быть увѣнчанными злодѣями.*

П Ѣ С Н Ь,

Пѣтая нещастными жителями Москвы во время грабительствъ и пожаровъ, злобными Французами въ оной производимыхъ. *)

На рѣкахъ Московскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ,
Внегда помянути намъ красоту града славнаго
На выяхъ посредѣ его обѣсихомъ сумы наша.
Яко тамо вопросиша ны плѣнъшіи насъ во изтязаніяхъ о хлѣбѣ насущномъ.

---

*) Пѣснь сія прислана въ подлинникѣ изъ Москвы, ее начали пѣть со Сентября. Печальные звуки ея разносились въ особенности на прудахъ подъ новымъ Спасомъ, подъ Симоновымъ и на Яузѣ.

Како покажемъ тебѣ пути въ сокровищницы наша? —

Аще забуду тебе ненависть къ Французскому народу.

Забвенна буди десница моя.

Прилпни языкъ мой къ горпани моему, аще скажу слово благо Французамъ.

Помяни Господи неисповѣдства Наполеоновы, и сподвижники его, въ день нашествія глаголющія: грабите, грабите до основанія.

Дщи Французская, окаянная! блаженъ иже имеетъ

И разбіетъ младенцы твоя о камень! *)

---

*) Се людіе идутъ отъ Сѣвера, и языкъ великъ, и Царіе мнози воспанутъ отъ конецъ земли, луки и щиты имуще, грозни суть и немилостиви: гласъ ихъ яко море возшумитъ, на кони возсядутъ, уготовани яко же огнь на брань противу тебе, дщи Вавилоня! Іер. гл. 50, ст. 41, 42.